

из кн. "Исторический сборник", №4,
Ленинград, 1935 г.

УБЫХИ В ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ НА ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

В нашей исторической литературе, посвященной изучению проблем освободительной борьбы трудящихся масс Кавказа против колониальной экспансии русского царизма, почти совершенно не отражена роль убыхов, которые в процессе этой борьбы в XIX веке занимали на Западном Кавказе весьма видное место.

Подобная недооценка роли убыхов в истории народов Кавказа объясняется исключительной скудостью материалов.

На территории СССР в настоящее время убыхов нет, а памятники их материальной и духовной культуры исчезли в пламени войны. Одно это обстоятельство, наряду с отсутствием убыхской письменности, весьма ограничивает возможности исследования.

Истории убыхов до последнего времени касались, главным образом, лингвисты, которых поражало своеобразие убыхского языка в системе яфетических языков Кавказа. Так убыхскому языку уделяли внимание Услар,¹ Генко,² Дирр³ и др. Примерами из убыхской терминологии пользовался и покойный акад. Н. Я. Марр.

Однако исторический материал в сочинениях этих авторов играл, разумеется, подчиненную роль по отношению к рассуждениям лингвистического порядка.

Специальных же исторических работ, посвященных убыхам, не было. Краткие и весьма поверхностные замечания Дубровина, Берже и др. всерьез принимать не приходится.

Значительный материал об историческом прошлом убыхского народа дают документы, выявленные в ряде центральных

¹ П. К. Услар. О языке убыхов, статья в Сб. „Этнография Кавказа“, Тифлис, 1887.

² А. Н. Генко. О языке убыхов, статья в „Изв. Акад. Наук СССР“, 1928 г. № 3.

³ Ad. Dirr. Die Sprache der Ubychen, Leipzig, 1928 г.

архивов, в результате обширной работы, предпринятой в 1934 г. Историко-археографическим институтом Академии Наук СССР по договору с Наркомпросом АССР Абхазии. Эта работа, участником которой был и автор, имела целью разработку архивных материалов по истории Абхазии и издание таковых в виде специальных сборников. В процессе этой работы был выявлен ряд ценных, нигде не опубликованных в печати документов, выясняющих со всей очевидностью роль убыхов в освободительном движении на Западном Кавказе. На основе этих документальных материалов и построена настоящая статья.¹

I

Убыхи заселяли участок черноморского побережья Кавказа от р. Шахэ до р. Хоста (Хамышь). На востоке убыхи граничили с джигетами (садзами) и ахчипсху — абхазскими племенами, населявшими современный Гагринский и часть Сочинского районов, а на западе — с шапсугами, территория которых простиралась вдоль берега моря до р. Пшада.

Соседями убыхов с севера были абдзахи (абадзехи), занимавшие северную покатость Главного Хребта в пределах бассейнов р. Белой и р. Пшишь. По устройству поверхности земля убыхов представляла собой сильно пересеченную труднодоступную горную страну, образованную Главным Кавказским Хребтом и его отрогами. Главный Хребет в этой своей части по своему характеру приближается к скалистой гряде Абхазских Альп² и имеет высоту от 1500 до 3000 м над уровнем моря, достигая, таким образом, линии вечных снегов и льдов. Боковые хребты и отроги прорезаются глубокими ущельями и узкими долинами, по которым протекают быстрые, но мелководные реки, имеющие крайне непостоянный режим и большое падение русла. Кроме наиболее крупных из них (Шахэ, Сасше, Хоста или Хамышь), насчитывается еще около 20 мелких речек, непосредственно впадающих в Черное море. Ущелья и долины рек по преимуществу и служили местообитанием убыхов.

¹ Большинство цитируемых документов будет полностью опубликовано в I томе „Материалов по истории Абхазии“, издаваемых ИАИ Академии Наук СССР.

² Абхазские Альпы — отрезок Главного Хребта, соприкасающийся непосредственно с Абхазией.

Если земледелие у убыхов было ограничено отсутствием свободных земельных пространств, то скотоводство имело обширную естественную кормовую базу в виде альпийских пастбищ. Теплая зима облегчала и упрощала жилищное строительство. Обилие тепла и влаги благоприятствовало развитию плодоводства (яблони, груши, сливы) и виноградарства. Богатство флоры и фауны обуславливало выдающееся значение охоты, лесного пчеловодства и других промыслов, связанных с эксплуатацией лесных массивов (сбор дикорастущих плодов и т. д.).

Поселения убыхов имели такой же усадебный характер, как и в Абхазии. Дворы от дворов были расположены нередко на значительном расстоянии. Дома прятались в густой зелени леса, в котором расчищались небольшие участки для пашни и огорода. Виноградная лоза свободно вилась по дикой одле. Плодовые деревья, посаженные около дома, часто росли в окружении лесных деревьев.

Численность убыхов к моменту вступления их в борьбу с русским царизмом, т. е. к 1830-м гг., точно определить не представляется возможным. Данные русских официальных источников весьма противоречивы, причем общая цифра всего населения колеблется от 12 000 до 29 000 человек.¹ Можно предполагать, что в действительности убыхов в 1830-х гг. насчитывалось свыше 40 000 чел. Для социально-политической характеристики убыхов важно установить тот основной факт, что они еще и в XIX в. не освободились от скорлупы родоплеменного строя.

Являясь в этническом и лингвистическом отношении промежуточным звеном между абхазами и адыге и занимая совершенно особое место в западной группе яфетических народов Кавказа, убыхи в свою очередь не представляли этнически абсолютно однородной массы, подразделяясь на несколько племенных сообществ, отличавшихся друг от друга по территориальному, экономическому и политическому признакам и сохранявших некоторые лингвистические особенности. Известны, например, убыхские племена: вардане, сасше, хизе, субаши, алань и др.² Из этих племен (dan) первые два были наиболее

¹ См. у Торнау, Берже и др.

² Не имея возможности точно воспроизвести племенные названия по убыхски, мы сохраняем русскую транскрипцию, в той или иной степени искажающую подлинные имена.

передовыми в смысле экономического и социального развития. Они населяли долины в нижнем течении рек Вардане и Сочи и имели более развитое земледелие и плодоводство, принимая активное участие в береговой торговле с турецкими купцами. Остальные племена убыхов расселялись в нагорной полосе, занимаясь по преимуществу скотоводством. К моменту столкновения с русским царизмом убыхские племена еще не имели установившихся феодальных отношений. Феодальная тенденция была скрыта под покровом патриархальных родо-племенных отношений. В то же время и рабство убыхов в своем развитии почти не вышло за пределы патриархальных „домашних“ форм. Характерно, что понятие „раб“ по-убыхски обозначается терминами „агар“ и „ojär“. Первый из них „агар“ на языках абхазо-адыгейской группе означает „негр“. Второй-же термин („ojär“) имеет тесную связь с турецким „gagır“, что значит: „чужой“ — „чужеземец“ — „одинокий“ — „бедняк“. Интересно, что этот термин имеет хождение в значении „бедняк“ и у абхазов („aogär“), и у грузин („garebi“).

Таким образом очевидно, что контингент рабов составлялся из захваченных в плен или вымененных иноплеменников. Факты закабаления в рабство членов своей общины или соплеменников у убыхов не известны. Термин же „агар“ несомненно заимствован от „турецких“ купцов — работорговцев, в ассортименте „живого товара“ которых на рынках Средиземноморья рабы-негры играли не последнюю роль, почему в их речи „негр“ был синонимом „раба“. Следует отметить тут же, что работорговля на отрезке побережья, занятом убыхами, имела большое распространение. Не прямая непосредственная эксплуатация раба в своем хозяйстве, но именно продажа его на экспорт интересовала рабовладельцев — убыхов, результатом чего и было сочетание развитой работорговли с патриархальными формами рабства.

Процесс становления племен у убыхов еще не был завершен в полной мере. Но примитивная родовая организация уже уступила свое место сельской общине („qas-ä“), которая, „будучи последним фазисом первичного образования общества, является в то же время переходным фазисом ко вторичному образованию, т. е. переходным фазисом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности“ („Архив Маркса и Энгельса“, т. I, 1924 г., стр. 284).

Выделявшаяся в процессе разложения рода племенная верхушка в той или иной мере узурпировала власть над сельскими общинами и не только эксплуатировала рабов, но и стремилась подчинить себе свободное население, с целью присвоения его прибавочного продукта на основе внеэкономического принуждения. Отношения личной зависимости несомненно имели место у убыхов, но маскировались всевозможными идилическими обычаями и псевдо-родственными связями эксплуататора и эксплуатируемого. Зависимое трудящееся население отдавало свой прибавочный продукт господствующей племенной верхушке по преимуществу в форме натуральных приношений, носивших характер „добровольных“ взносов, „дарений“ и, прочих явлений „родовой взаимопомощи“. Сила патриархально-общинных традиций была еще очень велика, выражаясь в пережитках аграрного коммунизма (родовые пастбища), в наличии в системе сельских общин обособленных родовых поселков, в существовании общинной администрации (сходы, старейшины), родового права и патриархальной морали. Причина слабого развития феодальных тенденций заключалась в обилии неосвоенных земель и низкой плотности населения, с одной стороны, и в наличии широкой возможности военного грабежа на стороне — с другой. Таким образом, нет никаких оснований безоговорочно называть представителей феодализирующейся убыхской племенной знати „дворянством“, как это имеет место в русских официальных документах и в трудах буржуазно-дворянских историков и лингвистов (Услар, Берже, Дирр и др.). Однако следует отметить, что почти у всех этих авторов, равно как иногда и в официальных документах, термин „дворянство“ употребляется по отношению к убыхам с некоторой осторожностью. Видно, что сами употребляющие этот термин не совсем доверяют ему и пользуются им лишь как привычным и наиболее приближенным определением.

Торнау, например, в своем „Обзоре горских племен“ говорит, что „дворянских фамилий у убыхов две: Доцен¹ и Берзеки“, но одновременно указывает, что „Саше“ (одно из убыхских племен. А. Ф.) — „это одно общество по всему берегу Черного моря, за исключением Абхазии, признающее над собой власть князя“.²

¹ „Доцен“ передается у Берже, как „Дишан“. В действительности, вероятно, это искаженное „Диже“.

² ЦВИА, ВУА, д. № 18511, л. 3 и л. 17.

Отсюда следует, очевидно, что кроме племени „Саше“ другие убыхские племена не признавали „власти князя“.

Берже утверждает, что „убыхи не имеют князей, но зато класс дворян у них многочислен и силен“, но тут же отмечает: „главные фамилии, Берзек и Дишан, не имеют никакой признанной власти“. Немного далее он говорит, что „убыхи не имеют никакого управления“, и одновременно подчеркивает, что „племя Саше пользуется вольностью...“¹ Характерно, что здесь Берже явно противоречит Торнау, который в только что цитированном отрывке уверяет, что именно это племя „признает над собой власть князя.“

Весьма интересен семантический анализ убыхских терминов, которые Усларом и Дирром переводятся, как „дворянин“, „князь“ и „крепостной“. Дирр переводит убыхский термин „хэ“, как „князь“, а „кцоуха“ — как „дворянин“. Но „хэ“ по убыхски означает и „главный“, а „кцоуха“ имеет очевидную связь с „хэуца“ — термином, выражающим понятие „богатый“.

Таким образом, получается следующее уравнение: „князь“ — „дворянин“ = „главный“ — „богатый“, что не только является блестящей иллюстрацией марксистского анализа процесса классовообразования и происхождения государственной власти, но и служит свидетельством того, что у убыхов не существовало обособленных специальных терминов для определения понятий, свойственных сословно-феодальным отношениям. Это не может не служить выражением того, что подобные отношения у убыхов были, по крайней мере, слабо развиты.

Что же касается положения зависимого от племенной верхушки прочего населения убыхских общин, то и здесь лингвистические данные говорят о примитивности форм личной зависимости и не дают оснований для установления типичных феодально-крепостнических отношений. А. Дирр переводит убыхский термин „гегэ“, как „крепостной“, но „гегэ“ одновременно означает и „крестьянин“. Если даже предположить существование крепостных у убыхов, то во всяком случае нет никаких данных считать всех убыхских „крестьян“ крепостными. Очевидно, что термин „гегэ“ именно и соответствует понятию „крестьянин“, но так как масса „крестьян“ у убыхов не была еще дифференцирована и все крестьяне находились

¹ Кав. календарь за 1858 г., стр. 290.

в одинаковых отношениях к господствующей племенной верхушке, то „крестьянин“ одновременно был и „зависимый“. Но зависимость убыхских крестьян не была крепостнической зависимостью, и если А. Дирр переводит „гегэ“ как „крепостной“, то только потому, что для него — буржуазного европейского ученого — всякая личная зависимость непременно должна была казаться крепостнической зависимостью. Таким образом, истинное значение термина „гегэ“ — не „крестьянин — „кре-⁴²⁴постной“, а „крестьянин“ — „зависимый“.

Чрезвычайно интересно, что синонимом „гегэ“ является термин „düsaqa“, также употребляемый убыхами, как „крестьянин“. При этом несомненной является тесная связь первого термина с „düsaqa“, что значит „бедный“, „бедняк“. Таким образом, наряду с уравнением „князь“ — „дворянин“ = „главный“ — „богатый“, налицо еще и другое: „крестьянин“ = „зависимый“ („крепостной“ по А. Дирру) = „бедный“.

Это еще раз свидетельствует о слабости общественного расчленения убыхских племен. Мы не имеем здесь не только развитых феодально-крепостнических отношений, но даже и окончательного распада родо-племенных форм. Мы застаем убыхов в XIX в. на той стадии общественного развития, когда „наряду с разделением на свободных и рабов, появляется различие между богатыми и бедными — обусловленное новым разделением труда новое разделение общества на классы“.¹ Но, очевидно, процесс классообразования, протекавший на фоне разложения первичных племенных образований, у убыхов отличался крайне замедленным темпом развития.

Мы имеем у убыхов свободных и рабов, имеем богатых и бедных, имеем, следовательно, налицо личную зависимость и эксплуатацию, но все это покрывалось внешней оболочкой общинных порядков и сохранившими в немалой степени свою силу патриархально-родовыми традициями.

В сочетании феодальных элементов с рабством и патриархально-общинным укладом и заключается специфика социальной структуры убыхского общества.

Убыхи в большей степени, чем их ближайшие соседи, сохранили примитивное общинное устройство; хотя известно, что и у шапсугов феодальные отношения отличались низким уров-

¹ Энгельс. Происхождение семьи... Партиздат, 1934, стр. 193.

нем развития, в то время как формы патриархальной демократии сохраняли у них свою силу еще и в XIX веке. Точно так же феодальные элементы у абдзахов и садзов (джигетов) были гораздо слабее, чем в Кабарде или в Абхазии.

Относительно религии убыхов следует отметить, что миссионерская деятельность крымских и турецких мулл, развернувшаяся в конце XVIII в. по всему Западному Кавказу, первоначально не имела успеха среди убыхов. Новая религия более или менее прочно прививалась в тех местностях, где было достаточно сильно феодальное дворянство. Так, например, мусульманство распространилось довольно широко в Кабарде, у бжедухов, в Абхазии, т. е. там, где местная феодальная знать, находившаяся в вассальных отношениях к Турции или к крымским ханам, находила в себе достаточно силы для борьбы с древними родо-племенными религиозными верованиями. Но убыхская племенная верхушка при всем возможном сочувствии к мусульманской религии не оказалась способной навязать ее своим соплеменникам, почему здесь пропаганда ислама и не дала значительных результатов до 1840-х гг., когда она возобновляется с новой силой и гораздо более успешно, но когда источником ее является уже не Крым, а Дагестан.

II

До 1830 г. убыхи не имели непосредственных серьезных столкновений с русским царизмом, т. к. занимаемая ими территория до этого времени еще не была объектом активных захватнических действий со стороны русского командования на Кавказе. Царское правительство, разумеется, имело в виду захват всего восточного побережья Черного моря, в том числе и земли убыхов, но воздерживалось от осуществления этого намерения из-за боязни осложнений с Турцией.

Только Адрианопольский трактат 1829 г., согласно которому Турция уступила царской России права на Черноморское побережье Кавказа, дал возможность последней приступить к осуществлению своих захватнических планов в отношении Западного Кавказа.

Еще в начале 1830 г. Паскевичем был разработан план т. наз. „Абхазской экспедиции“, целью которой было: 1) овладение побережьем Абхазии и 2) установление прямого сухопут-

ного сообщения между Сухумом и Анапой. Проведение экспедиции было возложено на генерал-майора Гессе, который в июле 1830 г. перевез вверенный ему отряд (численностью около 2000 штыков и сабель) из Редут-калэ в Сухум, откуда часть отряда была направлена морем для высадки десанта в Гаграх, а остальные войска двинуты по берегу от Сухума через Лыхны в Пицунду. Однако, по мере передвижения на север выяснилось, что русское командование в Тифлисе во главе с Паскевичем абсолютно незнакомо не только с местными географическими условиями, но главное — с политической обстановкой района экспедиции.

Заняв несколько пунктов на побережье Абхазии (Гагры, Пицунда, Бомборы), Гессе вынужден был отказаться от выполнения второй задачи, поставленной перед ним Паскевичем, т. е. от продвижения к северу от Гагр. Таким образом территория, занятая убыхами, опять-таки осталась вне сферы военных действий.

Тем не менее убыхи, видя приближение царских войск к границам своей страны, не остались безучастными к этому факту и активно помогали своим соседям в борьбе, развернувшейся на Западном Кавказе. Мы видим убыхов и в рядах садзов (джигетов), упорно штурмовавших в августе 1830 г. возведенное генералом Гессе Гагринское укрепление. Мы видим их тогда же и на Кубани, куда они явились по призыву шапсугов, наткуаджей (натухайцев) и абдазахов участвовать в набегах на построенные летом 1830 г. генералом Эммануэлем Георгиевско-Афонское и Алексеевское укрепления.¹

С 1831 по 1836 г. русское командование на Кавказе воздерживалось от широких наступательных мероприятий на Черноморском побережье, ограничиваясь обороной Гагр на юге, Анапы и Геленджика на севере. Поэтому снова имя убыхов почти исчезает со страниц официальной переписки царских генералов.

Вплотную убыхи сталкиваются с российской колониальной политикой в 1837—1839 гг., когда по приказу Николая I, лично побывавшего на Кавказе в 1837 г., начинается сооружение ряда береговых укреплений в целях создания так наз. „Черноморской береговой линии“.

¹ Кубанский Бойсковой Архив, д. 1113, св. 85.

В 1837 г. возникают укрепления: в устье р. Пшада (Новотроицкое), в устье реки Вулан (Михайловское) и на мысе Адлер (укрепление „Святого духа“). Первые два построены отрядом ген. Вельяминова, а последнее — в результате десантной операции под начальством ген. Розена.

В 1838 г. сооружаются укрепления: Новороссийское, Вельяминовское (устье р. Туапсе) и Навагинское (на р. Сочи), а в 1839 г. Лазаревское (на р. Псезуапсе) и Головинское (устье р. Шахэ).

Таким образом на территории, занятой убыхами, оказались три форпоста русского царизма — укрепления Головинское, Навагинское и Святого духа, что, с одной стороны, наносило смертельный удар их береговой торговле с турецкими контрабандистами, а с другой — создавало непосредственную опасность вторжения царских войск во внутренние районы страны.

Неудивительно поэтому, что постройка этих укреплений вызывает единодушный протест со стороны убыхов, и они начинают ожесточенную борьбу против наступающего царизма. Отпор, который встретила царская войска в земле убыхов, был настолько стремителен и решителен, что русскому командованию приходилось постоянно пополнять гарнизоны вышеуказанных трех укреплений, не думая о продвижении вперед, а беспокоясь лишь о том, как бы не потерять занятые береговые пункты. С самого начала возникновения Черноморской береговой линии царские генералы убедились в том, что наиболее сильным противником на побережье были убыхи.

Несмотря на сравнительную малочисленность, убыхские отряды отличались высокими боевыми качествами. Чаще всего они выступали в пешем строю, причем завоевали себе славу самой „лучшей в горах пехоты“.¹

О военной организации убыхов рассказывает генерал Н. Дубровин — этот „почти официальный историк царского правительства“, как называет его М. Н. Покровский.

„Перед выступлением своим в поход... убыхи выбирали себе предводителя. Последним мог быть только человек, известный своей храбростью... Во время похода предводитель пользовался безусловным повиновением своей партии... Предводителю предоставлялось действовать по своему усмотрению

¹ Щербина. История Кубан. войска, стр. 261.

и не открывать никому заранее своих намерений. Каждый терпеливо переносил от него брань и даже побои, на которые в обыкновенное время убых, не признававший никаких властей, ответил бы кинжалом. Местом сбора партии назначалось обыкновенно необитаемое ущелье. Только дряхлые старики и малые дети не участвовали в походе. Каждый обязывался иметь с собой необходимую одежду, состоящую из бурки, башлыка, полушубка, двух или трех пар обуви из сыромятной воловьей кожи, двух или трех пар толстых носков, сшитых из войлока или толстого горского сукна. Продовольствие такой партии обычно составляли: гоми (пшено), копченое мясо, сыр, масло, перец, соль и тесто, вареное на меду. Все продовольствие каждый, кроме предводителя, нес на себе, на целый месяц. Когда, бывало, партия соберется и составит скопище от 800 до 3000 человек, тогда предводитель отправлялся на место сбора, где осматривал платье и провизию собравшихся... После проверки назначались люди в состав авангарда и арьергарда. Собранная партия делилась на части: люди одной деревни, числом от 10 до 100 человек, составляли особую часть или, по выражению убыхов, *отдельный огонь* [курсив автора]... Каждый *отдельный огонь* имел своего старшину, обязанного делать наряды, вести очередь и в важных случаях приходить к предводителю за получением приказаний и для совещаний... В походе убыхи следовали в две шеренги или, лучше сказать, по два человека рядом... Убыхи делали нападения только ночью, перед рассветом. Перед нападением предводитель делил всю партию на три части: первые две предназначались для нападения и составлялись из самых отборных, а третья часть из стариков, молодых, кашеваров, дровосеков и т. п., образовывала резерв".¹

Таким образом очевидно, что военная организация убыхов была основана на патриархальных началах. Выборы предводителя, деление на отряды по родам или общинам, своеобразная организация снабжения — все это подтверждает примитивную структуру убыхского войска. Она весьма напоминает нам военную организацию древних германцев, ирокезов и др. племен, о которых говорит Энгельс.²

¹ Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. I, изд. 1871, стр. 254—257.

² Происхождение семьи... Партиздат, 1934, стр. 121, 81, 96 и 97.

Однако именно эта патриархальность и объясняет, с другой стороны, ту сплоченность, упорство, единство, беззаветную храбрость и героическое самопожертвование, которыми отличались убыхи, крепко связанные между собой родо-племенной общностью. Этими качествами уже не обладали ополчения, построенные по феодальному принципу, и вообще войска тех кавказских народов, общественное устройство которых было уже типично феодальным. Именно в социальной специфике убыхского общества, а не в „национальном характере“ убыхов, лежат причины их упорства и стойкости, непримиримости и храбрости в борьбе с русским царизмом. Недаром Энгельс, характеризуя родовое общество, говорил: „А каких мужчин и женщин порождает такое общество, показывает восхищение всех белых, соприкасавшихся с неиспорченными индейцами, перед чувством собственного достоинства, прямодушием, силой характера и храбростью этих варваров. Примеры этой храбрости мы видели совсем недавно в Африке.¹ Кафры-зулусы несколько лет тому назад, как и нубийцы несколько месяцев назад — племена, у которых родовые учреждения еще не исчезли, [курсив наш. А. Ф.] — сделали то, чего не смогло бы выполнить ни одно европейское войско... Они под дождем пуль скорострельных ружей английской пехоты... довели дело до штыкового боя: не один раз приводили они ее в расстройство и даже опрокидывали, несмотря на чрезвычайное неравенство в вооружении, несмотря на то, что они не отбывают воинской повинности и не знают, что такое военное обучение“.²

В первый период борьбы убыхов с русским царизмом военно-политическое руководство находилось в руках рода Берзек, который представлял собой племенную верхушку, выделившуюся в процессе развития экономического и социального неравенства среди своих соплеменников. Из рода Берзек чаще всего выбирались предводители при военных набегах. Из рода Берзек вышел известный Хаджи-Берзек, пользовавшийся большим авторитетом не только среди убыхов, но и на всем Западном Кавказе; в 1839 г. голова его была оценена царским правительством крупной суммой денег.

Хаджи-Берзек с самого начала не ограничивался обороной территории, занятой убыхами, а ставил своей задачей органи-

¹ Речь идет о захватнических войнах Англии в Африке в 1879 и 1882 гг.

² Ibid., стр. 99.

зацию всеобщей совместной борьбы против русского царизма всех соседних народов и племен. Вместе с шапсугами он нападает с убыхским отрядом в 1837 г. на Михайловское укрепление (на р. Вулан), вместе с абхазским племенем ахчипсы он угрожает в 1839 г. приморским общинам садзов (джигетов), которые не оказывают сопротивления царским войскам. Он ведет переговоры о совместных действиях с псхувцами и посылает гонцов в Пабал и Дал, жители которого держат под ударом Сухум-калэ.¹

Это стремление к объединению в борьбе с царскими захватчиками находит отклик в сердцах трудящихся масс народов Западного Кавказа. Массовый характер освободительное движение принимает зимой 1840 г., когда вследствие неурожая и вызванного суровой зимой падежа скота на южном склоне Главного Хребта разразился страшный голод. Отрезанные от побережья русскими укреплениями жители приморских районов были лишены возможности поправить свое положение и путем товарообмена с турецкими купцами. Все это подняло народные массы против царских захватчиков. В феврале 1840 г. все Черноморское побережье пылает огнем всеобщего восстания.

Повстанцами были взяты штурмом в течение полутора месяцев 4 укрепления: 7 февраля — Лазаревское, 27 февраля — Головинское, 29 февраля — Вельяминовское, 22 марта — Михайловское. 14 марта под угрозой штурма находилось укрепление „Святого духа“, а 23 и 24 марта едва было не взято Навагинское укрепление.

Характерно, что повсюду в рядах повстанцев сражались бок о бок убыхи, шапсуги и наткуаджи, причем ведущая роль почти всегда принадлежала убыхам. Так, например, Лазаревское укрепление было взято отрядом убыхов, шапсугов и наткуаджей, численностью до 1200 человек, с помощью убыха Шоген-Муса, который до этого три месяца жил в укреплении, выдавая себя за бежавшего от преследования кровников, а на деле являясь лазутчиком повстанцев. Благодаря Шоген-Муса предводители повстанцев знали все слабые стороны и уязвимые пункты укрепления. В ночь на 7 февраля Шоген-Муса бежал, а на рассвете подвел авангард повстанцев, состоявший из убыхов, под самые стены укрепления, убил часового и этим

¹ ЦВИА, ВУА, д. № 6422, л. 2—7.

обеспечил полную внезапность атаки. Благодаря этому, спустя три часа, из 184 офицеров и солдат гарнизона было уничтожено 144, а 40 взято в плен, несмотря на то, что укрепление имело крепкие валы из туров и несколько орудий, которые могли поражать картечным огнем все ближайшее пространство на 180°.

Может показаться странным, почему убыхи, державшие в своих руках инициативу восстания, нанесли первый удар не по тем форпостам русского царизма, которые находились на их территории (Навагинское и Головинское), а по тем, которые замыкали участок побережья, принадлежащий шапсугам.

Однако, именно в этом и заключался стратегический план убыхского руководства. Организаторам восстания было прекрасно известно состояние укреплений Черноморской береговой линии. Наименее боеспособными были как раз гарнизоны Лазаревского, Михайловского и Вельяминовского укреплений, среди которых насчитывалось от 50 до 75% больных цынгой и малярией. Кроме того, нанося удар по этим укреплениям, повстанцы вбивали клин на стыке 1-го и 2-го отделений Черноморской береговой линии, лишая гарнизоны Головинского и Навагинского укреплений надежды на выручку с севера, что, принимая во внимание малочисленность царских войск в Абхазии, обрекало гарнизоны вышеуказанных укреплений, казалось, на верную гибель.

Кроме того, развертывая первые победоносные операции против укреплений, лежащих на шапсугском побережье, убыхское руководство этим самым сразу вовлекало в ряды восставших массы шапсугов и наткуаджей. Следовательно, направление первого удара (Лазаревское—Вельяминовское), намеченное убыхским руководством, можно было бы признать абсолютно правильным, если бы отсутствовал важный стратегический фактор, каким являлась царская военная эскадра, господствовавшая на Черном море. Значение этого фактора не было учтено руководителями восстания, а именно благодаря десантным операциям, проводимым под прикрытием судовой артиллерии, царское командование не только сумело оказать помощь Навагинскому и Адлерскому („Св. духа“) укреплениям, но и перейти впоследствии в контр-наступление по всему побережью.

Внешняя обстановка благоприятствовала восстанию. С 1837 г. особенно активной стала деятельность англотурецких контрабандистов и эмиссаров на Черноморье, которые, отвлекая внимание русского командования, одновременно оказывали помощь повстанцам оружием и боеприпасами, причем это не могло не оказывать влияния и на политико-моральное состояние последних, укрепляя популярную в то время среди кавказских трудящихся идею о скором конфликте между Россией с одной стороны — и Турцией и европейскими державами — с другой.

На Восточном Кавказе царское командование было обеспокоено восстанием в Чечне, которое дало возможность снова поднять голову Шамилю в Дагестане, потерпевшему было поражение в 1839 г. под Ахульго.

Однако, в этот период тесных срызей между повстанцами Дагестана и Чечни с движением на Западном Кавказе еще установлено не было.

Восстание на Черноморском побережье, начатое убыхами, подняло лишь шапсугов и наткуаджей. Даже абдзахи держались довольно пассивно. То, что ведущая роль в восстании 1840 г.¹ на побережье принадлежала убыхам, подтверждается официальными документами и в первую очередь распоряжениями и мероприятиями царского правительства.

12 апреля 1840 г. военный министр граф Чернышев, получив известия о разгроме Черноморской береговой линии, в резких тонах осуждает начальника ее, генерала Раевского, и приказывает командующему Отдельным Кавказским корпусом немедленно направить карательную экспедицию в „землю убыхов“, предписывая „жечь и уничтожать их посевы, жатву и запасы“.¹

В рапорте Чернышеву Раевский, в свою очередь, обращает внимание военного министра на необходимость „более решительно действовать против убыхов“.

„Мы едва можем защищать Абхазию, — пишет Раевский, — пока убыхи в связи с джигетами. Из этого следует необходимость принудить сих последних к немедленной покорности, а потом соединенными силами джигетов и Абхазии, поддержанными нашими войсками, действовать решительно против убыхов“.²

¹ Арх. Шт. Отд. Кавк. корпуса, д. № 13 за 1840 г.

² Рапорт от 16-го июля 1840 г., ЦВИА, ВУА, д. № 6422, л. 1—5.

„Цебельдинцы подстрекаются убыхами... В Абхазии часть народа готова восстать против владельца и присоединиться к убыхам“, — доносит Раевский в другом рапорте.¹

Тем не менее пламя восстания, начатого стремительным натиском на береговые укрепления, к апрелю 1840 г. стало затухать. Причиной этого были, во-первых, пассивность шапсугов и наткуаджей, населявших северную покатость Главного Хребта, во-вторых, низкий идейно-политический уровень массы повстанцев, обусловленный родо-племенной ограниченностью их сознания. Большинство рядовых участников движения видело свою задачу лишь в том, чтобы уничтожить те ближайшие русские форпосты, которые угрожали независимости их селений и общин, не поднимаясь до осознания необходимости борьбы за освобождение всего Кавказа или хотя бы всего Черноморского побережья. Боеспособность и смелость повстанцев падала тем сильнее, чем дальше они уходили от родных селений.

Кроме того, и среди убыхской племенной знати, державшей в своих руках руководство восстанием, начала расти тенденция к примирению с царским правительством по мере того, как снята была непосредственная угроза российской экспансии в виде разгромленных в феврале—марте береговых укреплений. Феодалы же элементы шапсугов и наткуаджей вообще не принимали участия в движении.

Все это дало возможность царскому командованию в мае 1840 г. путем десантных операций занять развалины Вельяминовского и Лазаревского укреплений. При этом из последнего была отправлена карательная экспедиция по долине р. Псезуапе, в результате которой сожжено было 13 шапсугских аулов с уничтожением всех виноградников и насаждений.

Это обстоятельство окончательно парализовало распространение восстания на северо-запад и поставило убыхов лицом к лицу с русским царизмом.

Не рассчитывая теперь уже на шапсугов, убыхское руководство во главе с Хаджи-Берзеком стремится обеспечить себе поддержку на юго-востоке, надеясь привлечь к восстанию садзов (джигетов), ахчипсы, айбга и другие абхазские племена.

¹ Рапорт от 17 окт. 1840 г., ЦВИА, ВУА, д. № 6392, л. 1—2.

Эта задача является для Хаджи-Берзека тем более актуальной, что царское командование усиленно ведет переговоры с джигетским дворянством, рассчитывая в свою очередь натравить их на убыхов со стороны р. Мзымты.

„Появление русского отряда... заставит всех прибрежных джигетов решиться на явную покорность и выдать аманатов. Это поставит их в явную вражду с убыхами“.¹

Осенью 1840 г. Хаджи-Берзек с 2.500 убыхов и ахчипсы появляется на берегах р. Бзыби, одновременно посылая гонцов к дальцам (абхазы, населявшие ущелье р. Кодора).²

Однако развертыванию решительных действий Хаджи-Берзека в Абхазии помешали, очевидно, противоречия его с некоторыми другими представителями убыхской племенной знати, настроенными примиренчески. Во главе последних стоял вождь сочинских убыхов Аубла-Ахмет.

Генерал Раевский объясняет неожиданную пассивность Хаджи-Берзека следующим образом:

„Цель движения Хаджи-Берзека с убыхами к границе Абхазии — или не была вторжение в сию последнюю, или исполнению ее помешали раздоры между Хаджи-Берзеком и убыхским князем Аубла-Ахметом. Сей последний, как говорят, не хотел участвовать в нападении на Абхазию, имея там свои связи. Хаджи-Берзек остановился, не доходя Бзыби, составляющей границу Абхазии.... Он ограничился: 1) войти в сношения с Цебельдою и Далами и в них найти себе союзников в тылу Абхазии, 2) наказать Цандрипшских князей (часть джигетов), вступивших нынешний год в русское подданство. Он успел и в том, и в другом. Цандрипш им опустошен и Цебельда начала было волноваться, но сие волнение имело важность только в Далах, т. е. горной ее части... Дальцы укрепляют завалами все тропы своего ущелья и ожидают на помощь 1000 горцев, которых Хаджи-Берзек обещал им прислать на всю зиму“.³

К этому времени русские гарнизоны береговых укреплений от Геленджика до Адлера были удвоены и даже утроены, но это в значительной мере было проведено за счет ослабления гарнизонов в Абхазии. Хаджи-Берзек, учитывая это, тем

¹ Рапорт г. Раевского от 16 июля 1840 г., ЦВИА, ВУА, д. № 6422, л. 2.

² Ibid., л. 6.

³ Рапорт ген. Раевского от 17 октября 1840 г., ЦВИА, ВУА, д. № 6392, л. 7—8.

более активно проявляет себя в отношении Абхазии, где он ищет союзников не только в жителях горных районов (ахчипсы, Псху, Дал), но и среди трудового крестьянства, поднимающегося на борьбу с местными феодалами — союзниками русского царизма. Восстание абхазских крестьян во главе с Измаилом Допуа, вспыхнувшее летом 1840 г. в Кодорском районе, несомненно имело связь с движением убыхов. Политическое положение Абхазии поэтому не могло не внушать опасений царскому командованию, через лазутчиков и джигетских дворян осведомленному о намерениях Хаджи-Берзека. Рапорт генерала Раевского графу Чернышеву от 23 ноября 1840 г. подтверждает это со всей очевидностью.

„По собранным мною сведениям, убыхи с соумышленниками своими обратятся нынешнюю зиму не на 1 отделение,¹ а на Абхазию. Береговые укрепления приведены в такое оборонительное положение, что можно надеяться на их безопасность. Все заставляет думать, что Хаджи-Берзек преимущественно обратится на Абхазию, где он не найдет сопротивления, где ожидает его надежда взволновать край против нас, а во всяком случае добыча гораздо богаче, чем в укреплениях, хотя мы можем надеяться на преданность Владетеля Абхазии, но есть часть народа, которая готова восстать против него и присоединиться к убыхам. Вторжение Хаджи-Берзека будет сигналом восстания Абхазии, Цебельды, Самурзакани, восстания, которое остановится только на границах Мингрелии, Имеретии, и подвергнет разорению ту и другую. Тогда, что будет стоить вновь покорение Абхазии, Цебельды и Самурзакани?

По всем береговым укреплениям уже носят слухи, что Хаджи-Берзек сзывает береговые и закубанские племена, но между тем как все угрожает Абхазии, — средства к ее обороне уменьшаются: по новой дислокации гарнизоны в Гаграх и Бомборах, главнейших пунктах Абхазии, уменьшены против прежнего в каждом одною ротою. Распоряжение это уже приводится в исполнение.

Десятилетнее спокойствие не должно вводить нас в заблуждение, тогда мы еще не занимали восточного берега, тогда еще занятием Субаши и Сочи в земле убыхов мы их не вооружили

¹ „Черноморская береговая линия“ разделялась тогда на 2 отделения: от Анапы до Навагинского укрепления и от Навагинского до Ингура.

против себя... тогда, наконец, вместо 2 линейных батальонов, разбитых в укреплениях Абхазии, Цебельды и Самурзакани, мы в одних Бомборах держали целый 22-й Егерский полк“.

Раевский просит Чернышева усилить гарнизоны в Абхазии еще одним линейным батальоном, а в Новороссийске расположить Тенгинский пехотный полк „в виде резерва Береговой линии“.

„В противном случае повторится в предстоящую зиму то, что было в прошедшую, и я не знаю, что сделается с Абхазией, если Хаджи-Берзек обратится на нее с 15000 человек, как в прошлом году на береговые укрепления“.¹

Просьба Раевского была удовлетворена. Гарнизоны Сухума, Гагр, Бомбор и др. укреплений были усилены, а в конце декабря 1840 г. была организована карательная экспедиция для „приведения к покорности возмущившихся дальцев“. Несмотря на упорное сопротивление последних, Дала в январе 1841 г. был разгромлен, причем по приказу начальника экспедиции полковника Муравьева все жители были выселены, а жилища их и запасы „преданы огню“.²

С Далом полковнику Муравьеву удалось покончить раньше, чем убыхи сумели оказать ему помощь, но что последняя могла быть оказана, подтверждает тот факт, что немедленно по занятии Дала Муравьев отделил часть своего отряда „в составе 3-х рот Тенгинского пехотного полка с одним горным единорогом и 4 негорными мортирками“ для движения на р. Бзыбь, „где опять угрожали Абхазии убыхи“.³

Авангарды убыхов, обойдя Гагры, действительно консолидировались в Бзыбском ущелье.

15 февраля 1841 г. отряд убыхов, числом около 1000 чел., под предводительством Керентуха Берзека (племянника Хаджи-Берзека) сделал глубокий рейд по Бзыбской Абхазии, напав на селение Отхары, принадлежащее владельцу Абхазии князю Михаилу Шервашидзе. Возвращаясь оттуда, 20 февраля этот отряд атаковал Гагры, но был отбит орудийным огнем.⁴

¹ ЦВИА, ВУА, д. № 6392, л. 10—11.

² Ibid., л. 44—50, Рапорт полк. Муравьева.

³ Рапорт полк. Муравьева от 7 января 1841 г. ЦВИА, ВУА, д. № 6392, л. 45.

⁴ Журнал военным происшествиям в 3 отделении Черноморской береговой линии с 15 по 20 февраля 1841 г., ЦВИА, ВУА, д. № 6392, л. 93.

Одновременно убыхи не оставляли в покое и береговые укрепления, о чем доносит графу Чернышеву командир Отдельного Кавказского корпуса генерал Головин:

„Между укреплениями Лазарева и Головинским имеют они (убыхи. А. Ф.) несколько орудий, к которым приучают артиллеристов с намерением бомбардировать оба эти укрепления. Между фортами Головинским и Навагинским горцы в довольно значительном сборе и беспрестанно выстрелами тревожат по ночам как то, так и другое укрепление...“¹

Однако поражение дальцев и пребывание большого количества царских войск в Абхазии содействовало активизации примиренческих руссофильских настроений не только среди абхазского дворянства, но и в кругах убыхской племенной знати.

Мероприятия царского правительства в Абхазии служили конкретным выражением военно-феодальной колониальной политики. Царское правительство в своей захватнической политике повсеместно опиралось на местные феодальные элементы, закрепляя их эксплуататорские права, покупая их щедрой раздачей чинов и наград и превращая их, таким образом, в орудие колониального порабощения трудящихся масс местного населения.

Постройка укреплений на побережье Абхазии и карательные экспедиции, предпринимаемые царскими генералами во внутренние районы страны, укрепили авторитет князя Михаила Шервашидзе, который был „высочайше утвержден“ владельцем Абхазии еще в 1824 г., но до 1830 г. вынужден был скитаться за ее пределами, будучи изгнан восставшим крестьянством.

Сами царские сатрапы признавались впоследствии, что „Раевский сделал князя Михаила действительным владельцем Абхазии“.²

В свою очередь Михаил Шервашидзе и его тавады и аамыста (Хасан Чачба, Хасан Маан, Кац Маан, Званбая и др.) были верными проводниками колониальной политики российского самодержавия, получая „за усердие к службе царской“ офицерские чины, награды, денежные подарки.

Примером может служить „приведение к покорности“ джигетов (садзов), представители феодальной верхушки которых

¹ Журнал военными происшествиями в 3 отделении Черноморской береговой линии с 15 по 20 февраля 1841 г., ЦВИА, ВУА, д. № 6392, л. 93.

² Воспоминания ген. Филиппсона, „Рус. архив“, 1884, стр. 209.

(дворяне Хамыш, Гячь, Цанба, Чуу и др.) дали клятвенное обещание на верность „самодержцу и великому государю всероссийскому“. По поводу этого акта новый начальник Черноморской береговой линии генерал-майор Анреп в своем рапорте писал: „Спешу доложить вашему высокопревосходительству,¹ что главным виновником покорения джигетов был владетель Абхазии генерал-майор князь Михаил Шервашидзе, которого ревность к пользам нашего правительства превосходит всякую похвалу... Он не щадил никаких издержек, чтобы склонить на нашу сторону самых значительных людей между джигетами... При том же он мог в подтверждение своих слов указывать на пример Абхазии, которая в подданстве его императорского величества, сохранив все свои права и обычаи, достигла небывалого прежде благосостояния“.²

Если в последней фразе этой цитаты выражение „пример Абхазии“ заменить словами „пример абхазского дворянства“, то очевидно, что это соответствовало действительности. В самом деле, под защитой русских штыков абхазские феодалы „сохранив все свои права, достигли небывалого прежде благосостояния“, что не могло не импонировать не только джигетским дворянам, но и убыхской племенной знати. Представители последней, вслед за присягой джигетского дворянства, начинают склоняться к переговорам с царским правительством. Не малую роль и здесь играл Михаил Шервашидзе, находившийся в близких отношениях с самим Хаджи-Берзеком.³

9 мая 1841 г. произошла первая встреча убыхских делегатов во главе с Хаджи-Берзеком с генералом Анрепом, в присутствии Михаила Шервашидзе, Каца Маан и других „почетных дворян абхазских“.

С самого начала переговоров среди убыхской делегации выявились разногласия. Сторонником мира с русскими, немедленного „принесения покорности“ был вышеупомянутый вождь Сочинских убыхов Аубла-Ахмет, „которого владения простирались между устьями рек Мица, Соче и Псаха и состояли из 700 дворов“. Противниками соглашения были „убыхи с Вардане и из окрестностей укрепления Головинского (Шахэ. А. Ф.),

¹ Рапорт адресован ген. Головину.

² Рапорт ген. Анрепа от 25 мая 1841 г., ЦВИА, ВУА, д. № 6435, л. 11.

³ В детстве Мих. Шервашидзе воспитывался в семье Хаджи-Берзека и согласно родовым обычаям, считался таким образом его названным сыном.

которые поддерживали закоренелую вражду своих соплеменников".¹

Хаджи-Берзек, по словам ген. Анрепа, „опасаясь потерять влияние на народ, говорил в собрании против мирных сношений с русскими, но с другой стороны, выслушав все обещания владетеля (Шервашидзе. А. Ф.), тайно дал ему слово, что не будет противиться покорности убыхов, если они на оную решатся...“²

Следовательно, племенная знать убыхов (Берзеки) уже полностью склонилась к соглашению с царизмом, тогда как „простой народ“ по-прежнему был готов защищать свою независимость. Если Хаджи-Берзек, видимо еще колебался, то его племянник Керентух проявил откровенную решимость. „Он... дал и мне, и владетелю Абхазии слово за себя и за дядю, — пишет Анреп, что у убыхов не будет такого сближения, которое бы могло быть опасно покорившимся. Вообще Керентух показался мне человеком замечательным и могущим впоследствии быть для нас весьма полезным“.³

Генерал Анреп далее выражает сожаление о том, что прямолинейная захватническая политика его предшественника Раевского восстановила Берзеков против царизма и считает „ошибочной мерой“ то, что в 1839 г. Раевским была оценена голова Хаджи-Берзека.

Первый тур переговоров окончился 12 мая 1841 г., когда Аубла-Ахмет принес присягу на верность „престолу всероссийскому“, а остальные убыхские делегаты уехали обратно, возмущенные этим поступком.

„Приведение к покорности“ джигетов и небезуспешные переговоры с убыхами настолько обрадовали Николая I, что он пожаловал генералу Анрепу „всемилоостивейший рескрипт“, полковника Муравьева произвел в генерал-майоры, Михаила Шервашидзе наградил „орденом святыя Анны первой степени“ и „всем присягавшим князьям и дворянам“ распорядился выдать денежные подарки в сумме 39 червонцев и 2311 рублей серебром.⁴

Обилие „монарших щедрот“ показывало, что царское правительство считало „покорение“ убыхов делом первостепенной

¹ Рапорт ген. Анрепа от 25 мая 1841 г. ЦВИА, ВУА, д. № 6435, л. 12—13.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ ЦВИА, ВУА, д. № 6435, л. 23—27.

важности, что еще раз подтверждает выдающуюся политическую роль, какую играли убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе.

Измена Берзеков делу освободительного движения вызвала глубокое возмущение народа. Интересы племенной знати столкнулись с решениями народных собраний. Отбросив оболочку идилических родовых обычаев, „главные“ и „богатые“ обнажили свою эксплуататорскую сущность, пойдя по стопам абхазского дворянства на союз с российским самодержавием.

Однако они не располагали аппаратом для подавления протестующих соплеменников. Патриархальная демократия нашла еще силу противопоставить себя узурпаторам. Взрыв народного гнева заставил Берзеков отступить от своих обещаний, данных царскому правительству. „20 мая — читаем мы в очередном рапорте ген. Анрепа, — убыхи, собравшись в значительном числе, арестовали покорившихся князей Аубла-Ахмета и Зураба Хамыша и сверх того несколько других лиц, имевших с нами переговоры, в бытность мою в укреплении Святого духа. Между сими последними были: Хаджи-Берзек, племянник его. Керентух и Мурад, житель долины Вардане, известный между убыхами своею храбростью. Князя Аубла-Ахмет и Зураб Хамыш были вынуждены отречься от принесенной ими присяги и тогда только освобождены из под ареста. Задержание Хаджи-Берзека продолжалось недолго, и он тотчас же начал делать распоряжения о сборе всех убыхов для действия против покорившихся джигетов“.¹

Что Хаджи-Берзек вынужден был нарушить тайное свое обещание, данное им Михаилу Шервашидзе, и встал опять во главе освободительного движения только ради того, чтобы не потерять окончательно своего авторитета в глазах народа, совершенно очевидно. Тот же ген. Анреп, спустя некоторое время, характеризовал Хаджи-Берзека следующим образом: „Многие обстоятельства заставляют меня полагать, что в его враждебной предприимчивости есть более расчета, чем ожесточения“.²

Однако демобилизационные настроения Берзеков внесли, разумеется, разложение в ряды убыхов. К тому же и Хаджи-

¹ Рапорт ген. Анрепа от 30 мая 1841 г., ЦВИА, ВУА, д. № 6435, л. 42.

² То же от 6 июня 1842 г., ЦВИА, ВУА, д. 6470, л. 39.

Берзек, может быть преднамеренно, от наступательной тактики перешел к оборонительной, что дало возможность царскому командованию сосредоточить крупные силы на мысе Адлер для проведения карательной экспедиции в землю убыхов.

Когда в устье р. Мзымты (вблизи укрепления Св. духа) в начале июня 1841 г. собрался готовый к выступлению отряд царских войск в составе 12 рот пехоты, полусотни казаков при 6 горных орудиях, подкрепленный абхазской „милицией“¹ князя Михаила Шервашидзе, то эта угроза была столь значительной и реальной, что теперь уже все представители убыхских общин вынуждены были, ради выигрыша времени, пойти на переговоры с царизмом. Однако и царские генералы не чувствовали себя достаточно сильными для того, чтобы немедленно покончить с убыхами, и потому заключенное в результате этих переговоров соглашение носило крайне половинчатый и, разумеется, временный характер.

„Я склонил убыхов согласиться на следующие условия“, писал Муравьев: „1) Что я им назначаю трехмесячный срок для размышления, чтобы последовать джигетам — покориться правительству и принести присягу в верности. 2) В течение этого срока они не должны не только действовать силою против покорных нам джигетов, но и не проходить через их землю для набегов на Абхазию. 3) Они немедленно должны возвратить джигетам аманатов, издавна у них находящихся, и 4) джигеты в замену этого не будут делать набегов на землю убыхов“.²

Соглашение с убыхами было заключено 4 июня 1841 г., но прочность его была, разумеется, весьма сомнительна. Оно было нарушено прежде всего самим же царским командованием. Сообщая графу Чернышеву о состоявшемся соглашении, генерал Анреп одновременно добавляет: „Впрочем, и теперь опасность не миновалась... На этих соображениях основано мое полное и совершенное убеждение, что высочайше одобренная сухопутная экспедиция к убыхам непременно должна быть произведена в нынешнем году; отложить же ее до будущего года — значит несравненно увеличить все затруднения, а может-быть и потерять то, что ныне приобретено“.³

¹ „Милиция“ — иррегулярные отряды, собиравшиеся владетельными князьями в порядке феодальной повинности.

² ЦВИА, ВУА, д. № 6435, л. 65—66.

³ Рапорт ген. Анрепа от 18 июня 1841 г., Акты К. А. К., т. IX, стр. 509.

Не теряли времени и убыхи, представители которых в июле 1841 г. вели оживленные переговоры с шапсугами, наткуаджами и абдзахами, стараясь снова организовать всеобщее восстание на Черноморском побережье. Н. Дубровин приводит цитату из „Дефтера“,¹ принятого „народным собранием черкесских племен“, состоявшимся в 1841 году на р. Пшеха с участием убыхов, шапсугов, абдзахов и наткуаджей:

„Никто из нас не должен итти к неверным, дружеские сношения с неверными строжайше запрещены, и потому всякий мир и предложение с их стороны должны быть постоянно отвергаемы... Как только русские войска вступят в страну, то каждый должен взять оружие и итти туда, куда потребует опасность“.²

Однако, попытка убыхов привлечь шапсугов и абдзахов к действиям против отряда ген. Муравьева, угрожавшего им со стороны мыса Адлер (укрепление „Святого духа“), не имела успеха. Абдзахи были отвлечены операциями генерала Засса на р. Кубани. Шапсуги отбивались на два фронта — против того же Засса на севере и против „поисков“, совершаемых гарнизонами береговых укреплений.

Неудачной оказалась и попытка убыхов взять штурмом Навагинское укрепление, предварительно бомбардировав его из нескольких имеющихся в их распоряжении пушек. Ген. Муравьев направил в Навагинское часть своего отряда, который и заставил повстанцев отступить в горы. Появление крупного отряда царских войск на р. Сочи (у Навагинского укрепления) в „сердце земли убыхов“ имело, конечно, весьма отрицательное влияние на политико-моральное состояние последних. Прежде всего окончательно восторжествовала пораженческая тенденция в кругах племенной знати. „Вчера, после отчаянной атаки на наше правое прикрытие, Хаджи-Берзек оставил сборище, сказав: «Теперь дерись кто хочет, а я еду домой»“.³

Царское командование, однако, не решилось осуществить полностью свои планы в отношении проведения карательной экспедиции вглубь занятой убыхами территории, ограничившись лишь походом вдоль берега моря и разрушением нескольких приморских селений, жители которых „бежали в дальние горы“.

¹ „Дефтер“ — по-турецки „лист“, „книга“.

² Н. Дубровин. Черкесы, изд. Адыг. общ-ва краеведения, Краснодар, 1927, стр. 158.

³ Рапорт ген. Анрепа от 11 октября 1841 г., Акты К. А. К., т. IX, стр. 513.

Несмотря на поражение повстанцев, еще не могло быть и речи о полной победе русского царизма. В рапорте от 19 марта 1842 г. ген. Анреп снова вынужден напомнить Чернышеву, что „глава этого племени (Адыге. А. Ф.) — убыхи, и пока они сохраняют то же влияние на эту часть Кавказа, никакое приобретение наше не может быть прочным...“¹

Тем не менее, с 1842 г. освободительное движение на Западном Кавказе вступает в новую фазу. Последняя характеризуется окончательным переходом убыхской племенной знати и феодальных элементов адыгейского народа на сторону русского царизма, социальной опорой которого они становятся, благодаря чему освободительное движение становится крестьянским движением и принимает новые организационные формы и иную идейную окраску.

Союз российского правительства с предателями Берзеками закрепляется весной 1842 г. Генерал Анреп описывает эти решающие переговоры с Берзеками следующим образом: „Начальник 3 отделения генерал-майор Муравьев донес мне от 18 февраля за № 4 о известии, которое он получил от воинского начальника укрепления Головинского, капитана князя Туманова, что живущие по рекам Шахэ, Субаши и окрестным долинам дворяне главной между убыхами фамилии Берзек неоднократно приезжали в укрепление Головинское и просили представить их главному начальнику для изъявления покорности его императорскому величеству со всеми их подвластными. Время было бурно, и ген. Муравьев не съезжал с парохода, но к нему немедленно явились значительнейшие из тех дворян — Эдик и Мату Берзеки, которые уже готовы были ехать с сею целью в Абхазию на казачьем баркасе.

Убеждаясь в искренности этих людей, просивших принять их покорность на тех же основаниях, как таковая принята была от джигетов, генерал-майор Муравьев назначил им собраться в долине реки Шахэ, близ укрепления Головинского, а сам немедленно прибыл в Керчь с этим известием.

Понимая всю важность этого события, могущего иметь решительное влияние на покорение всех убыхов, я отправился 22-го февраля в укрепление Головинское, но застигнутый в море бурями, мог прибыть туда лишь 25 числа того месяца.

¹ ЦВИА, ВУА, д. № 6470, л. 5.

Жители окрестных долин были в сборе недалеко от укрепления, а 27 февраля убыхские дворяне: Шеулах-уко-Амщук Берзек, Хапеш-уко-Эльбуз Берзек, Шеулах-уко-Эдик Берзек и Шеуей-уко-Мату Берзек присягнули за себя и за своих подвластных на вечное подданство великому государю. Обязательства, которые приняли на себя присягнувшие, ваше сиятельство [рапорт Анрепа адресован графу Чернышеву. А. Ф.] изволите усмотреть из представляемой при сем копии клятвенного обещания.¹

Из текста этого клятвенного обещания видно, что, признав себя подданными царской России, Берзеки были только ограничены во внешней политике, но ничем не были ущемлены в отношении своих прав над Субашинскими общинами. Напротив, поддержка царского правительства, вассалами которого они теперь являлись, обеспечивала усиление их политического авторитета и открывала возможность для дальнейшего расширения их эксплуататорских прав. Утвержденные царским правительством автономными владельцами Субашинского ущелья, Берзеки несомненно сделали этим самым крупный шаг по пути феодализации, по пути укрепления феодальной собственности.

Пункты „клятвенного обещания“ говорят только о подданстве и вообще сформулированы гораздо мягче, чем многие подобные акты, подписанные в свое время феодальными владельцами Кавказа. Это объясняется, конечно, только тем, что убыхи представляли собой в это время еще достаточно грозную силу, еще сохраняли свою боеспособность, и царское командование не могло еще разговаривать с убыхами языком победителя. Разумеется, царское правительство рассматривало данный акт как первую ступень к достижению своей цели в отношении покорения убыхов, надеясь в лице Берзеков создать для себя опору в своей колониальной политике на Черноморском побережье. Переговорам с Берзеками царское правительство придавало весьма серьезное значение. Это видно хотя бы из того, что сразу же после получения известия о присяге Берзеков, Николай I „пожаловал“ каждого из них в поручики и „повелеть соизволил производить сим офицерам жалованье по 200 руб. серебром в год и сверх того выслать им эполеты... за особые услуги нашему Правительству“.²

¹ ЦВИА, ВУА, д. № 6470, л. 6—7.

² Отнош. директора канцелярии Воен. мин. от 14 III 1842 г., ЦВИА, ВУА, д. № 6470, л. 12.

Расчеты царского правительства в отношении Берзеков оправдались полностью. В очередном рапорте ген.-м. Анрепа содержится указание на то, что „поведение новых подданных государя императора превзошло все мои ожидания“ и что вслед за Субашинскими Берзеками „Хаджи-Берзек чрез нарочного дал мне знать, что он желает иметь со мной свидание“.¹

При этом Анреп подчеркивал, что он „совершенно убежден, что от прочного покорения убыхов зависит покорение и спокойствие не только вверенной мне Линии, но всего нагорного края Кавказа от Военно-Грузинской дороги до берегов Черного моря“.²

Хотя соглашение с Берзеками и не означало „прочного покорения“ убыхов, но тем не менее оно оказало отрицательное влияние на их боеспособность. Берзеки использовали весь свой авторитет для того, чтобы ослабить мощь освободительного движения, которое теперь лишилось военно-политического руководства. Однако, их измена еще не привела к полной победе русского царизма. Патриархальная демократия еще раз сумела показать свою силу, противопоставив себя теперь уже блоку русского царизма со своей „собственной“ племенной верхушкой. С 1842 г. влияние Берзеков среди трудящихся масс убыхских племен быстро падает. Даже наиболее популярный вождь, каким был Хаджи-Берзек, хотя и не присягнувший официально царской России, теряет свой авторитет. Убедившись в этом, он отрекается от политической деятельности, направляясь на богомолье, о чем, как о „замечательнейшем происшествии“, сообщает начальник Черноморской береговой линии ген. Будберг в рапорте графу Чернышеву от 2 июля 1846 г.³ Смерть Хаджи-Берзека совпадает с новым подъемом освободительного движения на Западном Кавказе, которое, однако, приобретает совершенно иные формы и развивается на новой основе.

III

Новый подъем освободительного движения на Западном Кавказе совпадает с победами мюридизма в Дагестане и Чечне.

¹ ЦВИА, ВУА, д. № 6470, л. 25.

² Ibid.

³ Ibid. д. № 6597, л. 59. Характерно, что Будберг называет Хаджи-Берзека не „дворянином“ а „старшиной“.

Последние оказывают настолько сильное влияние на адыгейские племена и убыхов, что новая фаза их борьбы с русским царизмом развивается в основном под теми же лозунгами, которые были начертаны на знамени Шамиля.

„Мюрид должен поставить себя ниже всякой божьей твари так, чтобы самый сильнейший вельможа и самый несчастный сирота казались ему совершенно равными, чтобы слон и мошка производили на него равное впечатление“.¹ Эта формулировка содержит именно то рациональное зерно программы мюридизма, которое, будучи освобождено от „божественной“ шелухи, дало такие богатые всходы на почве кавказской патриархальной демократии.

Мюридизм имел наибольшие успехи именно там, где больше всего сохранились патриархально-общинные порядки, где демократические общины нашли силу противопоставить себя феодально-родовой знати, открывавшей ворота царским захватчикам.

„Чтобы понять, почему Дагестан сделался родиной мюридизма, надо иметь в виду еще его две черты. Первой из них является чрезвычайная сплоченность и дружность той первобытной общины которая представляла здесь основную социальную ячейку“.²

Как бы ни критиковать внутреннюю политику Шамиля и его наивов, как бы ни расценивать противоречия между „аульской верхушкой“ и крестьянской массой, но нельзя не признать, что „мюридизм был демократическим движением, всюду низвергавшим власть беков и ханов, основанную на наследственном праве“,³ нельзя не согласиться, что, несмотря на теократические формы, „власть Шамиля была чисто-демократической“.⁴

Не даром же Маркс, внимательно следивший за освободительной борьбой трудящихся Кавказа, назвал Шамиля „великим демократом“.⁵

Такие мероприятия, как избивание аварских ханов, ликвидация феодальных привилегий местной знати, освобождение рабов

¹ Заповеди мюридизма. Сб. свед. о кавк. горцах, IV.

² М. Н. Покровский.

³ Ibid., стр. 216.

⁴ Ibid., стр. 212.

⁵ Письмо к Энгельсу от 8 августа 1854 г., Соч., т. XXII, изд. 1931, стр. 52.

(кулов), находившихся во владении последней, не могли не воспламенять сердца угнетенных и эксплуатируемых.

Сила мюридизма была в том, что он восстанавливал примитивно-демократическую организацию кавказских общин, что он объединял трудящихся в борьбе против местной феодальной знати и против захватнической политики дворянско-крепостнической России. Шариат содействовал сплочению разноплеменной крестьянской массы под руководством имамата. Газават оформлял ее примитивное политическое сознание. Конечно, религиозная окраска движения является признаком низкого идейного уровня восставшей массы и ее руководителей, но это не может опровергнуть его революционного значения. „Из равенства сынов божьих они выводили гражданское равенство“. Это было сказано Энгельсом о плебейских ересь средневековой Европы, и это вполне применимо к освободительному движению на Кавказе в XIX веке. Вот почему под знамена мюридизма собирались и те, кто ранее отнюдь не могли считаться „правоверными“ мусульманами. Выше указывалось, что среди адыгейских племен и убыхов ислам начал проповедываться еще в XVII—XVIII вв. Однако, и в первые десятилетия XIX в. мусульманская религия не получила широкого распространения, несмотря на активную деятельность мулл — агентов Турции. Ислам был прочно воспринят убыхами, шапсугами, абдзахами только в 1840-х гг. и только через призму мюридизма.

Трудящиеся Западного Кавказа были глухи к проповеди турецких мулл, но они горячо отзывались на призывы наибов Шамиля. Это еще раз подчеркивает то, что принципы мюридизма нашли отклик в массах только потому, что они служили наиболее удобной формой для выражения революционных требований крестьянства на том этапе освободительного движения, когда измена феодально-родовой знати стала свершившимся фактом. Обычно считают, что идеи мюридизма были занесены на Западный Кавказ официальными эмиссарами Шамиля, первым из которых был наиб Хаджи-Мохаммед, появившийся среди абдзахов в 1842 г.

Но это не верно. Еще раньше, чем Шамиль решил обратиться к народам Западного Кавказа, провозглашенные им и его предшественниками принципы, передаваемые из уст в уста, донеслись до слуха трудящихся убыхов и адыге.

Выше упоминалось о собрании убыхов, шапсугов и абдзахов на р. Пшеха в 1841 г., где был принят цитированный уже нами „дефтер“. Это собрание проходило под знаком Газавата. Целью собрания было объединение всех адыге и убыхов в борьбе с русским царизмом. Средством для достижения этой цели было в первую очередь нивелирование управления и права, что выражалось в установлении шариата.

„Наша первая обязанность есть строгое выполнение шариата“, — гласил один из первых пунктов принятого на собрании „дефтера“.

Однако, собрание 1841 г. не довело до конца начатого дела. Не было создано единого руководящего органа исполнительной власти. Благодаря этому „дефтер“ так и остался листом бумаги, и его указания не были реализованы.

Однако почва для агитации эмиссаров Шамиля была подготовлена, несмотря на открытое сопротивление этой агитации со стороны местной феодально-родовой знати. Последняя крайне враждебно встретила наиба Хаджи-Мохаммеда, который, появившись в 1842 г. среди абдзахов, энергично взялся за насаждение принципов мюридизма. Он декларировал не только религиозное, но и социальное равенство, освобождение рабов и зависимых, замену адата шариатом, организацию постоянных вооруженных отрядов и так называемых „мутазигов“.¹

Попытка Хаджи-Мохаммеда осуществить эти положения не увенчалась успехом. Причиной этого был, очевидно, слишком прямолинейный подход его к ломке старого общественного уклада и недооценка особенностей социальной структуры племенных образований Западного Кавказа. Эти особенности заключались в неразвитости феодальных отношений. У большинства адыгейских племен эксплуататорскую верхушку составляли не столько феодальные элементы, сколько близкая к ним родовая знать сельских общин. Таким образом, освобождение рабов и крепостных наносило удар не только феодалам, но и верхушечной прослойке „крестьянских“ родов, представлявшей собой одновременно и общинную администрацию. Кроме того, на Западном Кавказе гораздо сильнее проявлялась племенная раздробленность, обусловленная слабостью меновых связей. В этих условиях ликвидация адата была более трудным делом.

¹ От турецк. „mutassavif“ — суфий.

Все эти обстоятельства учитывало и царское командование, уверенное в безуспешности миссии Хаджи-Мохаммеда. В рапорте от 14 июля 1842 г. ген. Анреп говорит, что Хаджи-Мохаммед „может произвести волнение в этом пылком и восприимчивом народе (речь идет о наткуаджах. А. Ф.), может возбудить их предприимчивость, которая увеличится в случае, чего боже сохрани, какой-либо неудачи с нашей стороны, но вообще это обстоятельство может быть только поводом к временному усилению враждебных действий, а по всем вероятностям не сделается постоянною причиной общего соединения всего племени Адыге в один народ для единодушного и продолжительного противу нас действия“.¹

Действительно, деятельность Хаджи-Мохаммеда принесла мало результатов, и сам он внезапно умер в 1843 году, возможно, отравленный своими противниками.

Однако, неудачные попытки объединить племена адыге и убыхов вовсе не означали того, что они сложили оружие. Русские гарнизоны береговых укреплений попрежнему находились под постоянной угрозой нападений. В июле 1844 г. около 6000 убыхов и шапсугов штурмовали Головинское и Лазаревское укрепления.

Весной 1845 г. убыхами едва не было взято Навагинское укрепление, причем характерно, что повстанцы возглавлялись тут абреком из крестьян Омером Чизма.

В приказе по отдельному Кавказскому корпусу от 3 февраля 1847 г. отмечается, что за 1846 год на Черноморской береговой линии было 88 сражений, из них наибольший процент падает на Головинское и Навагинское укрепления, расположенные на территории убыхов.

Странной на первый взгляд кажется пассивность царского командования на Черноморском побережье. Оно ограничивалось в эти годы только обороной „береговой линии“, не совершая глубоких „поисков“ и карательных экспедиций во внутренние районы страны. Пассивность эта, однако, объясняется очень просто. Все внимание царского командования было в это время сосредоточено на Восточном Кавказе, где дагестанские пастухи одерживали одну за другой победы над лучшими полками Николая I.

¹ ЦВИА, ВУА, д. № 6470, л. 76.

В 1842 г. Шамиль наносит страшное поражение генералу Граббе в лесах Ичкерии. В 1843 г. ни одного царского солдата не остается на территории Чечни и северного Дагестана. Летом 1845 г. оканчивается полным крахом грандиозная Даргинская экспедиция, причем начальник ее — главнокомандующий на Кавказе граф Воронцов — едва спасается от плена, оставив в руках противника свыше трети своих солдат, всю артиллерию и обозы. Освободив Дагестан и Чечню, Шамиль в 1846 г. переходит в дальнейшее наступление на запад, совершая поход в Кабарду.

Победы Шамиля несомненно активизируют трудящихся Западного Кавказа. По прежнему на побережье ведущую роль играют убыхи.

В августе 1842 г. ген. Анреп доносит Чернышеву, что „старшины убыхов, вместе с шапсугскими и абадзехскими, отправились в Кабарду с намерением склонить жителей оной к враждебным против нас действиям вместе с ними“.¹

Летом 1844 г., как было указано выше, убыхи стремятся снова организовать всеобщее восстание на побережье, привлекая шапсугов.

В январе 1846 г. убыхи направляют удар в сторону Абхазии. Начальник Черноморской береговой линии ген. Будберг в рапорте Воронцову от 25 февраля 1846 г. сообщает об этом так: „В конце генваря в укреплении Навагинском получены были сведения от лазутчиков и от окрестного жителя капитана Аубла Ахмета, что вблизи укрепления в селе Джембулата Берзека составлен большой сбор горцев разных племен с намерением вторгнуться в Абхазию и по пути сделать покушение против укреплений Св. духа и Пицунды“.²

Однако, это предприятие убыхов не увенчалось успехом, причем на помощь царским войскам выступили „окрестные владельцы князя Инал-Иповы и Маршаниевы“. Однако активные действия убыхов вызвали брожение среди абхазского крестьянства. 15 января абхазские абреки напали на солдат Пицундского гарнизона, а 4 февраля произошла стычка 10 абреков с командой солдат, вышедшей на рубку леса в окрестностях Сухум-Калэ.³

¹ ЦВИА, ВУА, д. № 6470, л. 98.

² ЦВИА, ВУА, д. № 6597, л. 13.

³ Ibid., л. 14—15.

Абреческое движение особенно сильно давало себя чувствовать в районах Дал и Цабал.

В июле 1846 г. в течение 12 дней около 4000 убыхов и шапсугов осаждали Головинское укрепление.¹

Тогда же ген. Будберг сообщает о росте „враждебных настроений“ среди садзов (джигетов).²

С 1845 г. среди наткуаджей и абдзахов находился эмиссар Шамиля Сулейман-Эффенди, который пытался организовать среди адыге отряд на помощь Шамилю. Эта попытка не имела успеха, но агитация Сулеймана-Эффенди оказывала большое влияние на активизацию трудящихся адыге в пределах их родины. Победы Шамиля воодушевляли повстанцев и в Черноморье. Ген. Будберг пишет, что „у шапсугов было собрание из нескольких преданных Шамилю старшин между укреплениями Тенгинским и Вельяминовским, в уверенности, что раннею весною предприятие это должно увенчаться успехом, подобно как в 1840 году... По слухам, требующим подтверждения, собрание это составилось по предложению Сулеймана-Эффенди“.³

Сулейман-Эффенди не только не выполнил поручения Шамиля об организации вспомогательного отряда, но боясь, очевидно, его гнева, летом 1846 г. изменил ему и предался русским. По приказу кн. Воронцова он написал даже прокламацию против Шамиля, но как справедливо замечает даже русский великодержавный историк Щербина — „Шамиль был очень крупным вождем и новатором на Кавказе, чтобы его авторитет мог поколебать маленький Сельмен“ (Сулейман. А. Ф.).⁴

Однако, стремления Шамиля вовлечь в орбиту имамата народные массы Западного Кавказа этим не ограничились. В 1848 г. он посылает на Кубань одного из лучших своих наибов Мохаммеда-Эмина.

Мы уже не раз подчеркивали, что распространение идей мюридизма на Западном Кавказе нельзя считать только следствием агитации посланцев Шамиля, ибо оно было подготовлено всем ходом событий. Особенно ясно это видно при анализе деятельности Мохаммед-Эмина, успех которого по сравнению с Хаджи-Мохаммедом и Сулейманом-Эффенди объясняется не

¹ Рапорт ген. Будберга от 30 июля 1846 г., ЦВИА, ВУА, д. № 6597, л. 66.

² Ibid., л. 69—70.

³ Рапорт от 25 февраля 1846 г. ЦВИА, ВУА, д. № 6597, л. 16.

⁴ История Кубан. войска, стр. 541.

столько его личными качествами, сколько тем, что к моменту его появления обострились до крайности противоречия между феодально-родовой верхушкой и трудящимися массами адыгейских и убыхских племен. В середине 1840-х годов и Берзеки у убыхов и племенная знать у адыге открыто перешли на сторону русского царизма, ища у него защиты своих эксплуататорских прав. Освободительное движение под знаком мюридизма угрожало не только царским захватчикам, но и местной феодально-родовой аристократии.

В 1846 г. представители 5 аристократических родов у шапсугов и 4 у наткуаджей обратились с письмом к Воронцову. Вот что писали они в этой замечательной „петиции“: „С древнейших времен мы имели над народом распорядительную власть. Все порядки, все повеления от государя, все наряды для народа зависели от нас... Такой порядок вещей продолжался до настоящего времени. Ныне же народ вышел из повиновения и во всем равняется с нами; все простые люди самоуправствуют и производят беспорядки, не слушаясь один другого. Таким образом, простой народ присваивает себе такие права и преимущества, какими пользовались только наши деды и отцы... Извещаем вас о сем и покорнейше просим как вас, так и милостивейшего государя императора возвратить нам права наши над народом. Принимая русское подданство, мы в этих видах отделяемся от народа в особое общество с тем, чтобы сохранили мы свои дворянские права, подобно прочему дворянству Российской империи“.¹

В ответ на эту петицию Воронцов написал „просителям“, что не может „не одобрить их намерения“ и обещал им всяческую поддержку. Обнадеженные Воронцовым представители знати просили у него немедленной помощи войсками, заявляя: „По оставшимся от предков черкесским обычаям мы имели право на владение крестьянами, но народ для своей пользы выдумал другой какой-то шариат под предлогом, чтобы никаких властей не признавать“.² Трудно найти более яркое свидетельство для подтверждения того, что за религиозной оболочкой мюридизма скрывалась подлинно революционная программа крестьянского движения.

¹ Цит. по книге Щербина, *Ист. Кубан. войска*, стр. 568.

² Ibid., стр. 569.

Отсюда понятно, почему таким успехом пользовался Мохаммед-Эмин в конце 1840-х гг. среди „простого народа“ адыгейских и убыхских племен. Восстанавливая древнюю общинную структуру на началах патриархальной демократии, он жестоко расправлялся с теми представителями родовой знати, которые оказывали ему сопротивление. Так, по приказу Мохаммед-Эмина был расстрелян махошевский князь М. Багарсоков,¹ казнен шапсугский старшина Хоротокор Хамырза Кобле.²

Племенная знать в лице феодалов и рабовладельческой родовой верхушки была лишена всех привилегий. Рабы, находившиеся во владении знатных родов, были освобождены.³ Шариат восторжествовал. Формировались боевые отряды „мутазигов“. Первоначально Мохаммед-Эмин развивал свою деятельность среди абдзахов и бджедухов, причем у последних он встречал ожесточенное сопротивление со стороны местных феодалов. Однако, накануне Крымской войны мы видим его на побережье среди убыхов, где его мероприятия пользовались наибольшим успехом, т. к. авторитет местной знати в лице Берзеков был к этому времени совершенно ничтожен.

С началом войны все гарнизоны Черноморской береговой линии царским командованием были в 1854 г. эвакуированы, ибо появление в Черном море англо-французской эскадры и турецкие десанты ставили их в безнадешное положение перед лицом восстания трудящихся адыге и убыхов.

Три года последние были свободны от насилий царских захватчиков, не воспользовавшись, однако, плодами своей победы для укрепления своей обороноспособности. Племенная раздробленность, общинная замкнутость, ограниченность патриархального сознания, — все это выразилось наиболее ярко в том, что после изгнания царских войск с берегов Черного моря союз адыгейских и убыхских племен немедленно распался.

Уверенные в окончательном поражении царской России, адыгейские и убыхские крестьяне в массе своей вернулись к мирному труду и, не видя у порога своих домов царского солдата, оставались глухи к призывам как Мохаммед-Эмина, так и

¹ Дубровин. Адыге, стр. 122.

² Щербина. История Кубан. войска, там же, стр. 545.

³ См. письмо абдзахских дворян Воронцову от 1847 г. в книге Щербины, стр. 573.

турецкого эмиссара Сефер-бея, между которыми, кстати, шла ожесточенная борьба за власть.¹

Но три года свободы прошли, и весной 1857 г. над Кавказским побережьем снова начал расправлять свои крылья двуглавый хищник. Царские войска заняли Абхазию. Одновременно они начали с севера теснить абдзахов, замыкая их территорию цепью фортов, составивших так наз. Адагумскую и Белореченскую „линии“.

Летом 1857 г. идет ожесточенная борьба за Гагры. Вместе с убыхами выступают садзы. 1 апреля они совершают набег на владение абхазских князей Инал-ипа — сел. Колдохвары.² В мае атакуют десантный отряд царских войск, занявший бывшее Гагринское укрепление.

Однако внутренние противоречия между крестьянской массой и представителями племенной знати снова подрывают боеспособность повстанцев. В годы Крымской войны Берзеки, равно как абхазские и адыгейские феодалы, поспешили отречься от российского подданства и даже оказывали активную поддержку турецким оккупантам. Этим они несколько сумели восстановить свой авторитет среди народа, выступая в роли борцов за независимость (на деле — за утверждение протектората Турции).

С возвращением же царских войск Берзеки снова начали нащупывать почву для переговоров с царским правительством, деморализуя ряды повстанцев.

„В первых числах июня около Адлера собралось значительное скопище, числом до 5000, как показывали лазутчики. Главное начальствование приняли на себя Хаджи-Керентух-Берзек и Брах Ипа-Измали Дзейшев [Дзиаш или Дзейш. А. Ф.]. Последний доставил даже 3 небольших медных орудия, которые приобрел неизвестно каким способом в продолжение минувшей войны. Случай окончательно расстроил эти приготовления. В конце мая племянник Хаджи-Керентух-Берзека, так называемый меньшей Хаджи-Берзек, тайно приезжал в Сухум, где представлен был мне [ген. Гагарину. А. Ф.] полковником князем Дмитрием Шервашидзе и обещал при благоприятных обстоятельствах служить усердно нашему правительству. Как

¹ В 1856—1857 гг. дело доходило до вооруженных столкновений между абдзахами (Мохаммед-Эмин) и наткуаджами (Сефер-бей).

² ЦВИА, ВУА, д. № 6668, л. 4.

ни скрытна была эта поездка, но о ней проведали на Адлере. Это возбудило крайнее негодование на всех Берзеков, которые собирают партии, чтобы казаться смелыми и предприимчивыми старшинами, и в то же время подводят людей под беду, находясь в тайных сношениях с русскими. Для наказания меньшого Хаджи-Берзека и вместе с тем для овладения богатыми подарками, которые будто бы он привез из Сухума, скопище отправилось грабить его имущество, что и было исполнено. Затем никакого уже согласия восстановить было невозможно, и скопище окончательно разошлось по домам, оставив предприятие на Гагры неисполненным.¹ Двuruшничеству феодально-родовой знати, блоку Берзеков и Шервашидзе готов был противостоять единый фронт крестьянского движения. Под влиянием убыхов росло повстанческое движение у садзов, смелели абреки в Абхазии, пламя восстания разгоралось в Дале.

„В последнее время число недовольных настоящим порядком вещей в Абхазии значительно увеличилось в Бзыбском округе, и они могут, соединясь с горцами, произвести большие беспорядки в Абхазии“, — писал в 1857 г. ген. Гагарин, обосновывая свое распоряжение о сосредоточении 1300 чел. пехоты на мысе Пицунда.²

„Положение в Абхазии не изменилось к лучшему: также наш солдат не может отойти от своего укрепления на версту, не подвергаясь опасности быть убитым или взятым в плен. Одним словом, мы занимаем Абхазию, но не владеем ею“ — признавался в мае 1859 г. ген. Филиппсон.³

Однако, и на этот раз момент был упущен. Отсутствие единого руководства и крепкого, сплоченного авангарда, неспособность уничтожить изменников и ренегатов типа Берзеков и Шервашидзе обусловили оборончески-выжидательную тактику повстанцев.

А в то же время в ущельях Дагестана, замкнутый железным кольцом двухсоттысячной царской армии, как раненый лев отбивался Шамиль с горсточкой своих мюридов. В августе 1859 г. с Дагестаном было покончено. Главнокомандующий Кавказской армией князь Барятинский издал свой „знаменитый“ приказ: „Гуниб взят. Шамиль в плену. Поздравляю Кавказскую армию“.

¹ Журнал происшествий в Кутаис. ген. губ-ве по 2 июля 1857 г. ЦВИА, ВУА, д. № 6668, л. 30.

² Журнал... по 15 июля 1857 г., там-же, л. 33.

³ Акты К. А. К., XII, ч. 3, стр. 618.

Теперь наступила очередь Западного Кавказа. Еще в мае 1859 г., „присягнули на верность“ старшины бжедухских общин, в июле сложили оружие темиргои, „махошевцы“, бесленей, шагереи, и др. 20 ноября 1859 г. сдался Мохаммед-Эмин, находившийся все это время среди абдзахов. 12 января 1860 г. „покорились“ и начали выселяться в Турцию 40 000 наткуаджей. Командующий войсками вновь образованной Кубанской области генерал Евдокимов приступил к планомерному наступлению на абдзахов и шапсугов, сопровождавшемуся уничтожением садов и посевов, сожжением мирных селений и поголовным выселением жителей. Представители племенной знати все еще пытались выслужиться „приведением к покорности“ своих „подвластных“. Они убеждали массу в необходимости сложить оружие и начать мирные переговоры. Осенью 1861 г. в Тифлис прибыли в качестве депутатов: от убыхов — Хаджи-Керентух Берзек, от абдзахов — Гассан Бидхев и от шапсугов — Ислам Тхауш. „Наместника“ — князя Барятинского они не застали и были приняты его заместителем — князем Орбелиани. Последний выставил требование немедленно „покориться“ и принять „начальников, которые будут назначены“. Вернувшись на родину, эти депутаты в сентябре 1861 г. направились к верховьям р. Фарс, где в этот момент царские войска ожидали приезда Александра II, „обозревавшего“ свои новые владения, в течение полувека обильно политые кровью как местных жителей, так и русских мужиков, одетых в солдатские мундиры. При встрече с царем, Хаджи-Керентух Берзек просил от имени убыхов и абдзахов принять их в подданство России. Александр II повторил то, что сказал в Тифлисе Орбелиани, добавив: „Я даю месячный срок, — они должны решить: желают-ли они переселиться на Кубань, где получают земли в вечное владение и сохранят свое народное устройство и суд, или-же пусть переселяются в Турцию“.¹

Пресмыкание „депутатов“ перед царскими захватчиками и требования последних вызвали возмущение среди крестьянства. „Когда о царском ответе, — говорит в своих воспоминаниях ген. Ольшевский, — было узвано в неприятельском стане, то одновременно с тем, как абадзехи пришли в уныние, шапсуги с убыхами явились подстрекателями“.² Грозная опасность сплю-

¹ С. Эсадзе. Покорение Зап. Кавказа, Тифл., 1914, стр. 119. ✓

² Ibid., стр. 121.

тила трудящихся убыхов, шапсугов и абдзахов. Еще 13 июня 1861 г. в долине р. Сочи состоялся съезд „выборных старшин“, на котором приняты были важные решения. Вот как о них рассказывает Кутаисский ген.-губернатор кн. Гагарин.

„Должно отдать справедливость противникам нашим — черкесы не потеряли ни головы, ни сердца, напротив они решились отстаивать самобытность свою не только оружием, но еще внутренними преобразованиями и энергическим обращением к иностранным державам. Если главная роль в борьбе оружием пала по необходимости на абдзехов, то убыхи, не уступающие им в энтузиазме к общему делу, взяли на себя инициативу и направление мер административных и дипломатических, соответствующих принятой ими решимости [подчеркнуто мною. А. Ф.]. И должно сказать, что они некоторым образом приспособлены к такому роду деятельности: живя на берегу моря, посещая Константинополь, знакомясь там с взявшими их, так сказать, под свое покровительство представителями различных враждебных нам интересов, ажитаторами разнородных оттенков, они сознали недостатки своей организации и постигли двуличность международных отношений, темные ковы посольских канцелярий. Таким образом, прежде всего они обратили внимание на внутренний быт свой и захотели заменить расслабляющую усобицу сильною централизацией — централизацией [подчеркнуто в подлиннике. А. Ф.], которая в обыкновенное время бывает предметом стольких нареканий, но в которую, в минуты большой опасности, всегда, везде слагались все формы общественного устройства. Для этого они устроили меджлис. Чтобы объяснить значение этого нововведения, обращаюсь к попавшему в наши руки... письму самих черкес к великобританскому консулу в Сухуме. Вот что, между прочим, сказано в нем: „В 17 день зильхиджа 1277 г. [13 июня 1861 г. А. Ф.] для восстановления Аррахийской власти и для учреждения независимости все черкесы были приглашены на совет. Все они единогласно решили: учредить чрезвычайный союз и не отставать от оногo с тем, чтобы сохранять порядок внутренний, а отступающих от него наказывать. В черкесском владении учрежден меджлис из 15 человек улема и умных людей. Этому меджлису дано название великого и свободного заседания. По повелению же меджлиса учреждены в нашем крае 12 округов. В ка-

ждом округе определены муфти и кади, а также и мухтар (старшина, прим. перевод.) под названием заптие. Они должны исполнять повеления меджлиса и действовать заодно с великим заседанием. Во владении же черкесском от каждых 100 дымов взять по 5 всадников и с каждых же 100 дымов по 1 заптие, чтоб они исполняли предписание окружного мохакема по сбору доходов и распределению податей, в экономии и наблюдении за выморочными имениями. Во всех случаях доходы превышали расходы и, благодаря бога, великий меджлис вольности черкесов, управляя краем, всегда соответствовал своему назначению".¹

Цитируемое кн. Гагариным письмо убыхов представляет собой документ чрезвычайной исторической ценности. Во-первых, из него мы узнаем о характере того демократического устройства, которое пытались осуществить убыхи и их союзники, а во-вторых этот документ характеризует стремление последних апеллировать к международному общественному мнению.

Попытки объединения и организации разноплеменных трудящихся масс Западного Кавказа были и раньше. Выше указывалось на съезды „народных представителей“, происходившие в 1840-х гг. Однако, все соответствующие постановления этих съездов никогда не были реализованы до конца, равно как оставались в конце концов почти бесплодными и попытки формирования отрядов „мутазигов“ Хаджи-Мохаммедом и ликвидации родовых адатов Мохаммед-Эмином. Действительно, как справедливо замечает кн. Гагарин в цитированном выше докладе, всегда попытки централизации руководства „в обыкновенное время бывали предметом стольких нареканий“.

Патриархальная ограниченность сознания, приобретшая силу вековых традиций родовая разобщенность, усугубляемая преднамеренно представителями эксплуататорской верхушки, этнические различия, — все эти последствия примитивности способа производства и неразвитости социальных отношений могли быть преодолены (да и то не всей массой, а лишь передовыми ее элементами) только тогда, когда тяжкие поражения повстанцев доказали несостоятельность родо-племенной организации в борьбе с наступающим русским царизмом. Только тогда руководители освободительного движения решаются вновь на героическую попытку организовать массы, осуществив администра-

¹ ЦВИА, оп. 286, св. 233, д. № 12а, л. 21—22.

тивно-политическую реформу, основанную на принципе территориального устройства.

Разделение жителей по территориальному признаку (округа, думы) наносило удар родовой разобщенности. Создание новой администрации на местах в лице окружных „мехкеме“¹ и избранных „мухтаров“² подрывало влияние представителей родовой и феодальной знати. (Любопытно, что арабский термин „мухтар“ наряду с понятием „старшины“ означает одновременно и „свободный“, „независимый“).

Исполнение воинской повинности (по 5 всадников от 100 дымов) и уплата налогов, целью которых было прежде всего создание фонда обороны, равно как и проведение прочих постановлений центрального совета — „меджлиса“ обеспечивалось наличием „заптиеv“, сосредоточивавших в своих руках полицейские и вообще исполнительные функции.

Таким образом эта убыхская конституция 1861 г. на первый взгляд кажется образцом демократического устройства. Однако, мы имеем дело лишь с проектом социальной реформы. И не трудно обнаружить, что осуществление этого проекта, очевидно, наталкивалось на ряд таких трудностей, которые делали его утопичным. „Народ“ у шапсугов или убыхов не составлял абсолютно однородной массы. Как бы ни были у них неразвиты общественные отношения, но эксплуататорская прослойка, владевшая рабами, узурпировавшая общинную власть и стремившаяся к порабощению свободных мелких производителей, эта прослойка была на-лицо. Несмотря на ряд предательств и измен, эта родовая знать не была уничтожена и несомненно при выборах „мухтаров“ и „мехкеме“ оказывала свое влияние на массу, опираясь на силу патриархальных традиций, которые нельзя было ликвидировать одним постановлением меджлиса. Внутри округов продолжала существовать родовая разобщенность, которую также нельзя было стереть одним взмахом пера. Никакие „заптие“ не могли примирить внутренние социальные противоречия. Только смертельная опасность, опасность физического уничтожения могла породить в умах передовых элементов крестьянской массы убыхов, шапсугов и абдзахов социальную идею, идущую вразрез с вековым укладом общественной жизни.

¹ От араб. „mahkeme“ — суд, трибунал.

² От араб. „muhtar“ — выборный старшина.

Если даже поверить авторам цитированного выше письма к английскому консулу, что эта реформа была полностью осуществлена, то все же нет сомнения в том, что стоило бы царскому правительству отказаться от своих намерений, как вся эта искусственно созданная на почве примитивных производственных отношений политическая система лопнула бы, как мыльный пузырь, ибо прочную „организованность, политическую сознательность выступлений, их централизацию (необходимую для победы), все это в состоянии дать распыленным миллионам сельских хозяев только [подчеркнуто Лениным. А. Ф.] руководство ими либо со стороны буржуазии, либо со стороны пролетариата“.¹

Проект убыхской конституции 1861 г. представляет крупный интерес в том смысле, что он выражает высшую ступень политического сознания, на которую могут подняться передовики революционного крестьянства в редких, особых, совершенно исключительных условиях.

Но по самой сущности своей этот проект является утопичным именно потому, что авторы его стремились обнять необъятное, осуществить неосуществимое — преодолеть разрозненность выступлений, отсутствие централизации и организованности крестьян силами только самих крестьян. Тот проект, который пытались осуществить вожди убыхского крестьянства, разумеется, зародился под влиянием идей мюридизма, но надо к чести убыхов признать, что они пошли при его составлении значительно дальше конституции имамата. Проектируемая ими политическая система была уже значительно очищена от реакционных теократических примесей, хотя и имела некоторую религиозную окраску.

Письмо убыхов к английскому консулу в Сухуме, из которого мы узнаем о принятой Сочинским уездом конституции, интересно и в другом отношении. Более всех на Кавказе, убыхские и шапсугские повстанцы старались завязать международные сношения в целях получения помощи от государств, враждебных царской России. Именно через убыхов и приморских адыге осуществлялась контрабандная торговля и деятельность турецких, английских и польских эмиссаров. Крымская война и поражение в ней русского царизма были свежи в памяти убыхов

¹ Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 25.

и укрепляли их надежды на иностранное вмешательство. При этом весьма характерно, что убыхи обращаются не к турецкому правительству, а к Англии, учитывая, вероятно, преимущества Британской империи перед Турцией. Замечательным является стиль письма. Здесь нет и намека на пресмыкание перед могуществом адресата, на униженные просьбы о принятии в подданство, и т. д. „Великий и свободный меджлис“ разговаривает с правительством Англии как равный с равным, ища не столько покровителя, сколько союзника.

Однако письмо это до адресата не дошло и попало в руки царского командования. В том же докладе кн. Гагарина описывается, как это произошло.

„Он [данный документ. А. Ф.] был отдан в августе месяце прошлого года [1861 г. А. Ф.] для передачи в Сухуме г. Диксону [английскому консулу. А. Ф.] джигетскому жителю Абычу Сомехо... Побуждённый любопытством, Сомехо распечатал письмо и, сломав печать, боялся передать по назначению и сохранил у себя. Когда же, после некоторого времени убыхи, не получив ответа, спросили Сомехо, отдал ли он письмо, сей последний сказал, что отдал не самому консулу, которого не застал дома, а его человеку, и в подтверждение принес очистительную присягу. Наконец, в июне месяце настоящего года [1862 г. А. Ф.], желая извлечь из этого письма возможную пользу, он вручил его начальнику укрепления в Гаграх полковнику Стражецу“.¹

Тем не менее, царское правительство было весьма обеспокоено обращением убыхско-адыгейского меджлиса к европейским державам. Международное положение царской России в это время, через 5 лет после Крымской войны, было еще достаточно напряженным. Поэтому перехваченное письмо убыхов было направлено военным министром ген. Милютиным вице-консулу кн. Горчакову „для сведения и соображения“. Милютин при этом уведомлял Министерство иностранных дел, что „непокорными горскими племенами Западного Кавказа весною сего года [1862 г. А. Ф.] отправлено посольство к представителям Англии и Франции в Константинополе с просьбой о заступничестве против русского оружия“.²

¹ ЦВИА, оп. 286, св. 233, д. № 12а, л. 32.

² Ibid., 286, св. 233, д. № 12а, л. 42.

Действительно, согласно постановления чрезвычайного собрания меджлиса, в июне 1862 г. было отправлено такое посольство, причем во главе его стоял убых Измаил-Баракай-Ипа Дзиаш (Дзейш), который по словам кн. Гагарина, „с некоторого времени присвоил себе исключительно роль дипломата и разыгрывает ее довольно удачно, действуя на воображение своих единоземцев грамотами с множеством печатей и громкими именами главных деятелей Запада“.¹

Одновременно с этим, в виду наступления царских войск под начальством ген. Евдокимова на абдзехов со стороны Кубани, меджлис постановил „обнародовать призыв к священной войне и отправить в землю абдзахов на все лето несколько тысяч человек и принудить к такому же содействию джигетов“.²

Таким образом мы видим, что меджлис делает героические попытки преодолеть племенную разобщенность и разрозненность выступлений, прибегая к единственному в его руках средству—к лозунгу газавата. Повидимому, провозглашенная меджлисом социальная реформа, основанная на принципе территориального подразделения жителей, не могла ликвидировать родо-племенные перегородки, препятствовавшие объединению и централизации. Но и лозунг газавата не дал ожидаемого эффекта. В докладе кн. Гагарина сообщается, что „на помощь к абадзехам отправлены от 4 до 5 тысяч убых[ов] под начальством испытанных предводителей. Была сделана вооруженная попытка для принуждения джигетов к отправлению контингента, но сии последние уклонились и в этот раз, а между тем князь Решид Гечь просил нас сделать такое наступательное движение, которое позволило бы им отговориться окончательно“.³

На северном склоне Главного хребта шла ожесточенная борьба буквально за каждую пядь земли абдзахов. Вместе с последними бок о бок сражались посланные меджлисом убыхи. Их мужество, самоотверженность, героизм удивляли даже царских генералов. „Убыхи потеряли убитыми до 60 человек из лучших фамилий. Несмотря на этот относительно чувствительный урон, убыхи вновь принесли присягу действовать еще с большей настойчивостью и дабы не ослаблять себя, не подавать мало охочим повода к отлучкам, они решили вопреки на-

¹ ЦВИА, оп. 286, св. 233, д. № 12а, л. 25.

² Ibid., л. 24.

³ Ibid., л. 25.

родному обычаю не отправлять в землю свою ни убитых, ни раненых. Затем в самых сильных выражениях, с угрозой непримиримой вражды, потребовали от джигетов немедленной высылки 2000 человек. Очевидно было, что противу войск графа Евдокимова, решающих, можно сказать, судьбы Кавказа, соединились одушевленные беспримерным единомыслием все живые силы непокорных земель".¹

Однако, к концу 1863 г. царские войска не только принудили к сдаче абзахов, но и перевалили на южный склон Главного хребта, заняв ущелья Пшады и Джугби в земле шапсугов.

В феврале 1864 г. убыхи были окружены плотным кольцом царских войск. Так наз. „Даховский отряд“ ген. Геймана, в составе 13½ батальонов пехоты, 6 орудий, 2 эскадронов драгун и 5 сотен казаков и „кабардинской милиции“, двинулся на убыхов вдоль по берегу моря в направлении быв. Лазаревское укрепление — Туапсе — Сочи. 6 марта убыхские повстанцы прекратили сопротивление. Убыхские „старшины“ во главе с выплывшими опять на сцену Берзеками (Эльбузом и Хаджи-Бабуком) начали переговоры с ген. Гейманом о перемирии. Последний потребовал, чтобы „те, кто желают итти в Турцию, собрались бы табором на берегу моря к устьям Шахэ, Варданэ и Сочи; к этим пунктам могут приставать турецкие пароходы... Те же, кто хочет итти к нам, должны сейчас же выселяться на Кубань, где им будет отведена земля".²

В течение марта все было кончено. При зловещем свете зарева от пылающих селений убыхские крестьяне направлялись к берегу, чтобы отправиться в Турцию, где муллы обещали им земной рай, и где на деле они нашли скупую землю и безрадостную, безнадежную жизнь, полную лишений, под гнетом султанской бюрократии и мусульманского духовенства. Все убыхи целиком эмигрировали в Турцию.³ В апреле 1864 г. царские войска сломили последнее сопротивление горных абхазских племен — ахчипсы и псху — и 21 мая того же года из урочища Кбаада в верховьях р. Мзымты наместник царя на Кавказе в. кн. Михаил отправил в Петербург донесение об „окончании Кавказской войны“.

¹ ЦВИА, оп. 286, св. 333, д. № 12а, л. 26.

² Эсадзе. Покорение Зап. Кав., стр. 156.

³ За исключением нескольких семей, выселенных на Кубань, а затем в 6. Костромскую губернию.

Но торжество царизма было преждевременным. Через два года вспыхнуло крестьянское восстание в Абхазии. В 1877 г. в связи с русско-турецкой войной царским генералам пришлось снова оставить почти все побережье Черного моря, причем в рядах турецкой армии дрались против своих палачей убыхи, адыге и абхазы. 1905-й год опять разбудил оставшихся на родине трудящихся Западного Кавказа. Теперь они выступали уже в союзе и под руководством российского пролетариата.

